

УДК 81

Особенности употребления «военной» лексики в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда»

Татьяна Викторовна Демидович

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия
400066, Волгоградская область, г. Волгоград, проспект им. Ленина, 27
Аспирант
E-mail: demidovicht@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование экспрессивно и стилистически окрашенных «военных» единиц в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда», употребление разговорно-бытовой и книжной лексики, носящей «военный» характер; употребление высокой лексики в описании Советской Армии и стилистически сниженной, с разоблачительным уклоном, в описании армии фашистской. Затрагиваются фольклорные элементы.

Ключевые слова: военная лексика; экспрессивно окрашенная лексика; стиль; стилистически окрашенная лексика.

Введение. Применение лексики того или иного стиля, той или иной экспрессивной окраски обуславливается, в первую очередь, условиями, при которых происходит языковое общение. В зависимости от того, какие цели писатель ставит перед собой, он отбирает лексику, наиболее удовлетворяющую художественным задачам его произведения и являющуюся наиболее продуктивной и выразительной. К тому же слово, помимо номинации, может выражать и отношение к ней, то есть нести оценочную и экспрессивную коннотацию.

Во время Великой Отечественной войны активизировалась лексика и фразеология военного дела, усилилась потребность в экспрессивно-стилистических средствах языка. Лексика этого периода отмечена яркой метафоричностью и выразительностью.

Однако границы между лексикой разных стилей не являются постоянными и неизменными. Особенно это заметно при изучении лексики «эпохи» Отечественной войны, когда слова из состава нейтральной лексики перемещались в различные группы стилистически окрашенных номинаций и наоборот. Например, слово *тельняшка* (нательная майка моряков) изначально давалось в словарях с пометой «простореч.».

Материалы и методы. Употребление стилистически и метафорически окрашенной лексики периода Отечественной войны изучали многие известные отечественные лингвисты (А.Н. Кожин, Н.П. Колесников, А.М. Лукьяненко, А.В. Миртов и др.), но изучение это, в основном, сводилось к рассмотрению ее роли в публицистическом стиле, тогда как художественный стиль оставался «в стороне».

Материалом для данного исследования послужила повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда».

В работе использован описательный метод и такие приемы, как наблюдение, вычленение языковых единиц, контекстологический анализ, интерпретация накопленного фактического материала из повести.

Обсуждение. В произведениях о Великой Отечественной войне можно наблюдать активное включение в текст и книжной, и разговорно-бытовой лексики, носящей «военный» характер. «Нелегко ответить на вопрос: чем определяется выбор вовлекаемой в литературное употребление диалектной, просторечной, жаргонной и тому подобной лексики? Ведь в этом выборе чрезвычайно трудно проследить какие-либо закономерности, продиктованные системными языковыми отношениями» [9, с. 62]. И сами языковеды отвечают на этот вопрос: то, что не продиктовано языковыми закономерностями, вызывается социальными причинами [9, с. 62].

Писатели часто включали подобную лексику в свои произведения, что обуславливалось военной темой и стилистическими целями, ведь многие художники слова создавали свои очерки и рассказы под обстрелом, во время фашистских атак, в

обрушившемся на страну хаоса горя и бедствий, суровых приказов и т.д. Кроме того, все это жило в их памяти и переходило на страницы создаваемых произведений. «Мир войны по-своему воскресает в произведениях, создаваемых мастерами художественного слова, а также в слове тех, кто рассказывает о виденном и слышанном на поле боя» [5, с. 4].

Так, в тексте повести «В окопах Сталинграда» много примеров общенародной разговорно-бытовой «военной» лексики, включающей в свой состав: а) разговорно-литературную лексику, объединяющую слова разговорно-бытового характера, не нарушающие норм литературного употребления: *кончат* в значении «доводить исполнение чего-либо до конца; завершать, заканчивать (здесь: победить)» (*к сентябрю немцы хотят все кончить* [8, с. 44]), *погнать* в значении «начать преследовать» (*погнали немцев* [8, с. 46]), *отгонять* в значении «заставлять силой или угрозой покинуть какое-либо место» (*если только удастся отогнать немцев* [8, с. 83]), *жать* в значении «стрелять» (*Здорово жмет?* (немец) – *Куда там, головы не подымеешь* [8, с. 89]), *пятиться* в значении «отступать» (*потом немцы перешли в наступление <...> Мы совсем растерялись, дрогнули, начали пятиться* [8, с. 17]; – *нам никак уже дальше нельзя... До точки уже допятились* [8, с. 95]) и б) просторечную лексику, характерную для простой, непринужденной речи, не связанную строгими нормами, состоящую частью из слов, находящихся на грани литературного употребления, частью – из нелитературных слов: *лупить* в значении «сильно бить (здесь: стрелять)» (*немец лупит из миномета* [8, с. 75]), *фриц* в значении «название немцев» (*Фрицу многое чего хочется, – вступает кто-то третий...* [8, с. 95]), *гробить/угробить* в значении «губить/убить» (*У тебя стариков сколько осталось, Керженцев? – Человек пятнадцать, не больше <...> – это ваш костяк. Учтите. Зря не гробите* [8, с. 116], – *Угробило тех двоих, – говорит он, вынимая затвор, – Одни тряпки остались* [8, с. 173]), *ухлопать* в значении «убить» (*Ведь вас тут немцы в два счета ухлопают* [8, с. 127]), *долбать* в значении «атаковать» (*что, если немцам надоест «Красный Октябрь» долбать?* [8, с. 141]), *влопаться* в значении «попасть в трудную ситуацию», здесь: «попасть в окружение» (*Да, Чумак, влопались. Что и говорить! – Влопались, – смеется Чумак. – Но ничего, комбат. Выкрутимся* [8, с. 158]), *кокнуть* в значении «убить/ранить» (*Немца там одного кокнули, в охранении сидел* [8, с. 150], – *После того как тебя кокнуло, еще раз ходили в танковую атаку* [8, с. 231]), *драпать* в значении «поспешно отступать, бежать (обычно с оттенком презрительности)» (*Ну и что же, нравится тебе воевать? Он смущенно улыбается, пожимает плечами. – Пока ничего... Драпать вот только неинтересно* [8, с. 38]; *Ну а как там на фронте... здорово драпают?* [8, с. 48], – *Сидят еще немцы? – Какое там! С Мамаева уже драпанули, за Долгим оврагом окопались* [8, с. 234]). Многие слова, например *лупить*, *драпать*, *фриц*, некоторые языковеды (например, Д.Н. Ушаков) относят к вульгаризмам.

Есть общеупотребительные слова с особыми, разговорно-литературными и просторечными значениями (часто метафорического происхождения): *жарить* в значении «стрелять» (*Две мины, одна за другой, свистя, медленно пролетают над нами и разрываются где-то далеко позади, – батальонные, по-видимому. Ширяев ухмыляется: – Все по круглой роце жарит. А батареи уже три дня как нет там* [8, с. 17]), *укладывать* в значении «убить» (*Немец пытается переползти овраг. Его укладывают* [8, с. 17]), *шпарить* в значении «стрелять» (*немцы скрываются. – Сейчас из минометов начнет шпарить, – вполголоса говорит Лазаренко...* [8, с. 38]), *выйти/выйти из строя* в значении «погибнуть, быть раненым» (*комсостав почти весь вышел* [8, с. 57], *сколько человек вышло из строя?* [8, с. 35], *два человека выходят из строя. Одному перебивает ногу, другому вышибает глаз* [8, с. 160]), *орел* в значении «хороший боец» (*Ширяев не договаривает и поворачивается к Седых: – Ясно, орел? Останешься здесь со старшим лейтенантом. Лазаренко тоже останется, – ребята боевые, положиться можно* [8, с. 36], – *Эй вы, орлы! Кто-то машет рукой с проезжающей повозки* [8, с. 43]) и т.п.

Среди книжной лексики можно выделить слова, служащие единственной номинацией соответствующих предметов и явлений: *боеприпас* (*Армия должна быть обута, одета, накормлена, снабжена боеприпасами* [8, с. 82]). Немного в повести слов официально-делового стиля: *устав* (*он у нас все уставы наизусть знает* [8, с. 48]); устаревших слов: *дозор* (*Идти будем походной колонной. С дозорами и охранением, конечно* [8, с. 14]); экзотизмов и варваризмов: *капут* (*Лазаренко ранен в живот. Я вижу его лицо, ставшее вдруг таким белым, и стиснутые крепкие зубы. – Капут, кажется... – Он пытается*

улыбнуться [8, с. 38], – Ну, все. Фашистам капут! [8, с. 1228]). Поэтической «военной» лексики в повести «В окопах Сталинграда» не обнаружено.

Можно также заметить употребление высокой лексики гуманной направленности (в описании Советской Армии) и стилистически сниженной, с разоблачительным уклоном (в описании армии фашистской), что обуславливалось задачей показать всю мощь и справедливость действий Советской Армии и ее солдат и разоблачить злодеяния фашизма. Естественно, что, так же, как и большинство писателей, В. Некрасов изображает немецких захватчиков как злодеев и извергов. При этом наблюдается изобилие низкой, ироничной, уничижительной и бранной лексики: – А где сейчас немцы? – Немцы? Яичницу жрут километрах в десяти – двенадцати отсюда. И шнапсом запивают... [8, с. 31], – А немцы? – А черт их знает, где они сейчас... [8, с. 41], Немцы рвутся к Волге. Пьяные, осатанелые, в пилотках набекрень, с засученными рукавами. Говорят, перед нами эсэсовцы – не то «Викинг», не то «Мертвая голова», не то что-то еще более страшное. Кричат как оглашенные, поливают нас дождем из автоматов, откатываются, опять лезут [8, с. 112], – Ну – что за новость? – спрашивает лейтенант со шрамами. – Сказал, что мировая. В шестнадцатой машине передачу только что слушал. – Гитлер сдох, что ли? [8, с. 228], – Сидят еще немцы? – Какое там! С Мамаева уже драпанули, за Долгим оврагом окопались. На ладан дышат. Жрать нечего, боеприпасов нет, в землянках обглоданные лошадиные кости валяются. Капут, в общем [8, с. 234].

Герои повести, особенно молодые бойцы, описаны с ласковой нежностью и трогательностью. Во многих описаниях присутствуют черты русского богатырства, удали: ... лихой, с золотым чубом и в захватски сдвинутой на левую бровь пилотке командир первого батальона Ширяев [8, с. 13], лицо у него совсем розовое, с золотистым пушком на щеках. И глаза совсем детские – веселые, голубые, чуть-чуть раскосые, с длинными, как у девушки, ресницами. С таким лицом голубей еще гонять и с соседскими мальчишками драться. И совсем не вяжутся с ним – точно спутал кто-то – крепкая шея, широкие плечи, тугие, вздрагивающие от каждого движения бицепсы [8, с. 35-36], мне нравится Седых <...> Молодые мышцы его рвутся в бой [8, с. 80], Петров еще очень молод. Недавно, по-видимому, из училища. Тоненькая шейка. Широленные, болтающиеся на ногах сапоги <...> Смотрит вопросительными, невыносимо голубыми глазами <...> Петров у пулемета. – Все в порядке, товарищ лейтенант. Работает. Голубые глаза смеются весело, по-детски. – Видали, как отсекли? Сразу побежали. Повернувшись к пулемету, он дает очередь. Худенькая шейка его трясется. Какая она тоненькая и жалкая! И глубокая впадина сзади. И воротник широк. Шея в нем болтается, как былинка. Вот так вот, вероятно, еще недавно стоял он у доски и моргал добрыми, голубыми глазами, не зная, что ответить учителю <...> Руки у него тоже тоненькие, детские, с веснушками [8, с. 101, 103], Загорелый бронебойщик с русыми, придающими молодцеватый вид, закрученными усиками [8, с. 102], – Сколько, ты говоришь, у тебя человек во взводе? – У меня? Восемнадцать, я девятнадцатый. Молодец к молодцу [8, с. 122], – Я помкомвзвода пошлю, Гаркушу – мировой парень. С закрытыми глазами мины тебе натычет [8, с. 123], Карнаухова, командир четвертой роты <...> пожимает своими широченными плечами <...> У Карнаухова низкий, слегка глуховатый голос. Говорит, немного запинаясь. Может быть, просто слова подбирая. А в общем, мне он нравится <...> Большой, косолапый, с густыми, сросшимися на переносице бровями, сероглазый, с мешком за плечами. Согнувшись, протиснулся в узенькую, низкую дверь <...> и попросил воды. Выпил с аппетитом большую, чуть ли не с ведро, кружку <...> скрутил сигарку совершенно невероятных размеров и стал молча курить <...> На следующий день он отбил у немцев потерянный нами накануне участок траншей, потеряв при этом только одного человека [8, с. 124-125], лицо у него (у Карнаухова) хорошее, какое-то ясное, настоящее [8, с. 189].

Звучат в произведении и фольклорные мотивы. Немцы предстают как некая нечистая сила из русских народных сказок: эпизод, где боец Седых расспрашивает своего лейтенанта о Гитлере: – Товарищ лейтенант, а правда, что у Гитлера одного глаза нет? – спрашивает Седых и смотрит на меня ясными, детскими глазами. – Не знаю, Седых, думаю, что оба глаза есть. – А Филатов, пулеметчик, говорил, что у него одного глаза нет. И что он даже детей не может иметь... Я улыбаюсь. Чувствуется, что Седых очень хочется, чтоб действительно было так. Лазаренко снисходительно подмигивает одним

глазом. – Його газами ще в ту війну отруїли. І взагалі, він не німець, він австріяк, і фамілія в нього не Гітлер, а складна якась – на букву "ш". Правильно, товарищ лейтенант? – Правильно. Шикльгрубер – его фамилия. Он тиролец... – Тиролец... – задумчиво повторяет Седых, натягивая на себя гимнастерку. – А его немцы любят? Я рассказываю, как и почему Гитлер пришел к власти. Седых слушает внимательно, чуть приоткрыв рот, не мигая. Лазаренко – с видом человека, который давно все это знает. Валега курит. – А правда, что Гитлер только ефрейтор? Нам политрук говорил. – Правда. – Как же это так?... Самый главный – и ефрейтор. – Он смущается и принимается за мозоль. Мне нравится, как он смущается [8, с. 37].

Заключение. Итак, лексика повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» сочетает элементы различных стилей и несет оценочную и экспрессивную коннотацию. Это вызвано усилением потребности в экспрессивно-стилистических средствах языка, что обусловлено войной. Отличительная черта повести, как и всей литературы о Великой Отечественной войне, – отрицательное отношение к немецким захватчикам и вера в победу советских бойцов. Соответственно используется сниженная, бранная лексика при описании фашистской армии и возвышенные, «торжественные» слова при изображении наших воинов.

Примечания:

1. Апухтина В.А. Художественная проза о войне в литературном процессе 60–70-х годов // Филологические науки. 1975. № 3. С. 17-26.
2. Бельчиков Ю.А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филологические науки. 2000. № 6. С. 46-55.
3. Брысина Е.В. Фразеологическая активность военной лексики. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1993. 224 с.
4. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
5. Кожин А.Н. Мир солдата в слове Великой Отечественной // Слово и концептуальная модель мира в литературе о Великой Отечественной войне: Материалы Всеросс. конф. (18–19 мая 2000 года). Научное издание. Липецк, 2000. 90 с. С. 4-5.
6. Кожин А.Н. О развитии литературного языка в эпоху Великой Отечественной войны // Филологические науки. 1975. № 3. С. 48-58.
7. Миртов А.В. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания. 1953. № 4. С. 99-108.
8. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: Повесть. Волгоград: Нижнее-Волжское книжное издательство, 1971. 285 с.
9. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Лексика современного русского языка / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968. 184 с.
10. Советская военная энциклопедия. В 8 т. / Под ред. А.А. Гречко. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1976–1980.

UDC 81

Peculiarities of 'Military' Vocabulary Use in V. Nekrasov's Story "In the Trenches of Stalingrad"

Tat'jana V. Demidovich

Volgograd state social-pedagogical University, Russia
Prospekt them. Lenina, Volgograd city, Volgograd region, 27400066
PhD student
E-mail: demidovicht@mail.ru

Abstract. The article deals with the use of expressively and stylistically colored "military" units in V. Nekrasov's story "In the Trenches of Stalingrad", the use of everyday and bookish vocabulary of 'military' character, the use of lofty vocabulary to describe Soviet army and stylistically reduced vocabulary with revelatory inclination to describe Fascist army. Folk elements were touched upon.

Keywords: military vocabulary; expressively colored vocabulary; style; stylistically colored vocabulary.